

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Безсмертіе и жизнь.

II.

(Продолженіе).

Во второй части мы намѣрены болѣе подробно остановиться на обзорѣннѣи вопроса о значеніи идеи безсмертія для нравственной жизни человѣка.

Для правильнаго рѣшенія даннаго вопроса слѣдуетъ обратить вниманіе на то, имѣетъ-ли какой-либо особенный смыслъ и особенную цѣль жизнь человѣка, или-же нѣтъ у него преимущества предъ скотомъ? Отвѣтъ на это можетъ быть двойной; или—«да, имѣетъ»—или—«нѣтъ—не имѣетъ», что и полагается основой всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій и всей дальнѣйшей дѣятельности человѣка—ради чего онъ долженъ жить на землѣ и къ чему стремиться.

Полагая, что смерть есть конецъ бытія человѣка, а не иного вѣчнаго житія начало, каждый долженъ стремиться исключительно только къ тому, чтобы во время земной жизни получить отъ нея возможно болѣе. Отсюда, возникаетъ борьба за существованіе, война всѣхъ противъ всѣхъ, по война безпощадная и крайне эгоистичная, потому-что каждому захочется отвоевать для себя самое лучшее по свому представленію. Стави цѣлью своей земной жизнедѣятельности—испытъ полную чашу наслажденій, отрицающій идею безсмертія мечтаетъ только о томъ, какъ-бы отстоять свои личные интересы и воспользоваться, буде возможно, всѣми благами міра безраздѣльно. Онъ все-таки не будетъ въ состояніи никакъ подавить въ себѣ того неотразимаго сознанія, что для побѣжденныхъ и, слѣд., страдающихъ, цѣлью земной жизни наслажденіе ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, да кромѣ того смерть во всякое время дня и ночи неслышными шагами можетъ подкрасться къ нему, не смотря на всю силу его кулачнаго права, въ одинъ мигъ безжизненнымъ трупомъ кинуть его въ нѣдра могилы. Это разъ. Во-вторыхъ, если наслажденіе—высшая цѣль, то къ чему переживать его гибель, а

потому—«выпей смерть съ послѣднимъ возліаніемъ вина» *).—Самосознаніе человѣка не мирится съ такой грубой дѣйствительностью, по-
чему человѣкъ, богато надѣленный духовными дарами, ставитъ себѣ
цѣлью какое-либо иное, высшее благо. Но предпочтеніе интеллектуаль-
ныхъ или моральныхъ стремленій предъ матеріальными благами возможно
только для сильныхъ натуръ. А при злѣйшей борьбѣ интересовъ себя-
любія почти постоянно могутъ встрѣчаться взаимныя столкновенія въ
силу того обстоятельства, что у каждаго своя цѣль. Въ результатѣ
опять получается борьба, и борьба при томъ нескончаемая, совершенно
безполезная. Строго логическое мышленіе человѣка при такомъ положеніи
сознанія предлагаетъ разрѣшить ему слѣдующую дилемму: къъмъ хочетъ
быть человѣкъ—безсознательною-ли вещью міра, или дѣйствительною
личностію, одаренною самосознаніемъ. Въ первомъ случаѣ, живи, какъ
животное, и не моги задавать себѣ ни одного вопроса для разрѣшенія
окружающей дѣйствительности, потому-что на все, чтобы не спросилъ
человѣкъ—одинъ отвѣтъ: «смерть». Если же онъ хочетъ быть само-
сознающей личностію, ставящей себѣ задачею уясненіе смысла собствен-
наго бытія, и въ тоже время отрицать жизнь за предѣлами этого налич-
наго міра, то у него одинъ разумный выходъ для разрѣшенія явной
безмыслицы его временнаго существованія—уйти съ арены жизни са-
мому сознательно и уже другимъ предоставить радость наполнять міръ
безцѣльнымъ мельканіемъ своей личности. Для погашенія этой безмы-
слицы—ся несознанія—единственно разумный выходъ «уничтожить
разумъ» путемъ-ли полного отрицанія жизни, а если для этого не хва-
титъ силы воли и твердой рѣшимости, то путемъ скотскаго существо-
ванія на землѣ. Человѣкъ, естественно, не можетъ примириться ни съ
тѣмъ, ни съ другимъ. Для чего-же ему данъ разумъ? Неужели только
для его уничтоженія? Тогда животныя несомнѣнно выше человѣка и сча-
стливѣе его, потому-что имъ не предстоитъ мучиться сознаніемъ без-
смысленности своего существованія и нисколько не жаль разстаться съ
разумомъ во имя его уничтоженія, такъ какъ уничтожать имъ нечего.
Но опять человѣкъ видитъ, что въ дѣйствительности, у него есть ми-
нуты такого душевнаго подъема, ради которыхъ онъ никогда не согла-
сится считать животное и счастливѣе и выше разумной личности чело-
вѣка. Какъ-же примирить сознаніе самосущаго духа человѣка, что онъ

*.) Девизъ древней академіи „соумирающихъ“.

есть нѣчто разумное въ мірѣ, съ отрицаніемъ идеи безсмертія? Остается мыслить себя простою вещью міра и жить механическимъ движеніемъ естественныхъ законовъ бытія.

Однако уже одинъ фактъ, что человекъ можетъ подчиняться или не подчиняться подобному рѣшенію, говоритъ за то, что онъ не простая вещь міра, а нѣчто большее, могущее устраивать свою земную жизнь на разумныхъ началахъ. И только въ томъ случаѣ человекъ можетъ жить здѣсь на землѣ, если онъ будетъ себя готовить для жизни безконечной, имѣющей наступить послѣ смерти. Такого сознанія вполне достаточно для умиротворенія жизни человека и онъ, зная, что безконечный разумъ соединяется съ тѣломъ не для какихъ-либо временныхъ цѣлей, можетъ быть не только носителемъ вѣчнаго закона, присущаго ему, какъ простое истолкованіе и строго опредѣленное выраженіе требованій собственнаго сердца человѣческаго, но и его исполнителемъ, въ той увѣренности, что это составляетъ нераздѣльную часть его духовнаго естества, отъ чего зависитъ его дальнѣйшее безконечное развитіе. Такимъ образомъ вся жизнь часто зависитъ отъ признанія или отрицанія личнаго безсмертія.

Для отрицающаго безсмертіе вся жизнь человѣческая должна представляться какъ непрерывное смѣшеніе торжества побѣдителей и горя побѣжденныхъ. Если онъ очутится въ роли побѣдителя, то благо ему, но только.... до поры, до времени, ибо всякое пресыщеніе приводитъ человека къ *taedium vitae* и онъ врядъ-ли не будетъ чувствовать мучительнаго безпросвѣтнаго томленія духа. Разумѣется, утративъ внутреннее спокойствіе, онъ не будетъ счастливъ, хотя на время можетъ быть доволенъ своей судьбой, но въ минуты нравственнаго просвѣтленія онъ готовъ разорвать всѣ цѣпи, приковывающія его къ землѣ и уйти, улетѣть куда то ни было.... но куда? Всѣ свои порывы, всѣ стремленія человекъ уничтожаетъ путемъ непрерывнаго ряда паденій и только тогда въ состояніи будетъ успокоиться, когда окончательно сѣмбегетъ потушить въ себѣ искру Божію и погрязнуть въ тинѣ эгоистическаго снотолубія. И только тогда, когда онъ достигнетъ такого состоянія, что окончательно потеряетъ всякое сознаніе своего нравственнаго бытія, такъ что нагбенно втопчетъ въ грязь свое высокое призваніе, онъ можетъ жить ни заботъ, ни печали не зная, пока смерть не уберетъ его какъ совершенно ненужную вещь для земли.

Но такъ можетъ случиться только съ побѣдителемъ. Чѣмъ-же могутъ жить побѣжденные—отрицающіе идею безсмертія? Вокругъ себя они видятъ цѣлое море зла, униженія, огорченія, разврата и порока и сами глубоко страдаютъ отъ міровой несправедливости и другихъ мыслящихъ существъ видятъ не менѣе глубоко страдающими. Во имя чего-же они и имъ подобные должны переносить страданія и подчиняться побѣдителямъ? Не справедливѣ-ли будетъ хотя-бы самыми безчестными путями достать себѣ вѣнецъ побѣдителя и быть участникомъ на безмысленномъ жизненномъ пирѣ! Во имя чего переносить молчаливо всю злобу міра сего, когда она грозитъ потопить и низринуть все на своемъ пути. Не лучше-ли наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностію.

Правда, въ человѣкѣ есть совѣсть, которая каждый разъ провѣряетъ его дѣйствія и говоритъ ему, что хорошо и что худо, и человѣкъ всемъ существомъ своимъ чувствуетъ, что онъ долженъ поступать именно такъ, а не иначе, хотя-бы за это обрушились на него цѣлыя горы страданій, но что за несчастная привилегія страдать за другихъ и съ сознаниемъ исполненнаго долга дѣлаться добычей могильныхъ червей? Въдѣ, сознание исполненнаго долга слишкомъ отвлеченно, чтобы имъ могъ удовлетвориться полный, цѣльный человѣкъ, тѣмъ болѣе что вѣщныя скорби и бѣды могутъ возмутить внутренній міръ сознанія. Допустимъ, я сознаю, что извѣстное дѣйствіе несомнѣнно хорошо и честно и въ силу этого должно принести благотворные плоды, но если этого я въ данный моментъ не вижу, то, по крайней мѣрѣ долженъ хоть обладать несомнѣнною надеждою, что нѣкогда оно принесетъ эти плоды безъ всякихъ уклоненій отъ своей нормы, иначе говоря, я утверждаю полное примиреніе добра съ дѣйствительною жизнію, а если при наличномъ состояніи этого міра такое примиреніе невозможно, то должна существовать такая жизнь, гдѣ этого рокового противорѣчія нѣтъ; иначе нравственный законъ, въ которомъ я вижу связующее звено съ абсолютными началами мірозданія, а посему являющійся для меня абсолютнымъ предписаніемъ и безусловною обязанностію, теряетъ для меня свой абсолютный характеръ: ясно, что и дѣятельность моя должна направляться сообразно моимъ желаніямъ. А такъ какъ въ данномъ случаѣ наличная жизнь предлагаетъ иллюзію счастья, въ заманчивой роли побѣдителя, обѣщая привольную жизнь, то пусть день—да мой! пусть я

страдаю и отъ вѣшняго міропорядка и отъ внутренняго томленія, лишь-бы путемъ страданій достигнуть самому наибольшую сумму наслажденій; пусть и я стану побѣдителемъ, хотя бы для этого пришлось пойти черезъ трупы людей. Правдивую картину жизни борцовъ за лучшія мѣста «на сценѣ мірового театра» яркими красками начерталъ поэтъ сомгнѣнья и отрицанья:

«Если двое столкнутся—безжалостный бой
Начинаютъ безумные братья....
Льется кровь, разливаясь широкою волной,
И гремятъ надъ толпою проклятья....
И напрасно бозумецъ разнять-бы хотѣлъ,
Говоря имъ о правдѣ, о Богѣ:
«Этотъ бой безопадный повсюду кипѣлъ
На тернистой житейской дорогѣ!
И съ улыбкой, исполненной злобы глухой,
Съ высоты своего пьедестала
Безпредѣльно царилъ надъ развратной толпою
Грозный призракъ слѣпного Ваала» 1).

Въ результатъ всякое живое существо могло бы захлебнуться въ крови, пролитой въ безумной борьбѣ, почему мыслиющія существа должны были бы единогласно придти къ тому заключенію, что-де лучше взорвать земной шаръ вмѣстѣ съ собой, чтобы прекратить такое дикое безобразіе.

Во избѣжаніе этого ненормальнаго явленія и глубокой жажды жизни въ нашъ культурный вѣкъ пропагандируется своеобразное ученіе съ пессимистической подкладкой 2), гдѣ вмѣсто безсмертія личной индивидуальной души трактуется объ иномъ, яко-бы единственно-истинномъ и реальномъ, безсмертіи, которое состоитъ въ томъ, что разумное сознаніе чловѣка не умираетъ, а въ видѣ воспоминанія переходитъ въ сознаніе послѣдующихъ поколѣній. Здѣсь, нѣтъ никакихъ нравственныхъ цѣлей и идеаловъ самихъ по себѣ, а кульминаціонная точка морали—счастливая земная жизнь для всѣхъ, дожившихъ до того умопостигаемаго момента, когда растлѣнная грѣхопадениемъ земля собственными усиліями чловѣчества обратится въ рай. О личномъ безсмертіи не можетъ быть рѣчи

1) Надеопъ.

2) М. П. Голдстой.

по той простой причинѣ, что умретъ-де-человѣкъ и сгніетъ, и взаимоотношеніе между нимъ и міромъ прекратится: отъ него въ этомъ мірѣ останутся только его отношенія къ міру, т. е. то, что онъ сдѣлалъ во имя блага для блага человѣчества.—Это такъ называемое «толстовское» ученіе. Оно не дастъ никакихъ побужденій для нравственной жизни человѣка. Если я, какъ личность, ничего не значу въ начертаніихъ мировой воли, то даже для меня самого образъ моихъ дѣйствій въ нравственномъ отношеніи совершенно безразличенъ.

Правда, я чувствую, что мнѣ, какъ человѣку, вложено стремленіе къ добрымъ дѣламъ и отвращеніе отъ злыхъ, но какое мнѣ въ томъ утѣшеніе, когда я прекрасно знаю, что большинство людей и страдаютъ именно оттого, что они и скромны, и правдивы, и честны и добры, словомъ, не понапрасну носятъ на себѣ святое имя «человѣкъ», а наоборотъ, порочащіе его безобразіемъ своихъ преступленій низкія натуры благоденствуютъ и являются предметомъ почтенія и уваженія. И человѣкъ до тѣхъ поръ будетъ искать разъясненія этому роковому противорѣчію, пока ему «не заткнуть рта горелію земли» *), тогда только онъ волей-неволей успокоится. Но, вѣдь, это—не отвѣтъ. Между тѣмъ, данное противорѣчіе между безконечнымъ и конечнымъ непременно должно разрѣшиться для каждаго отдѣльнаго лица, иначе опять таки абсолютный законъ, въ силу котораго я различаю зло и добро, является полнѣйшей безмыслицей и теряетъ для меня всякое значеніе.

Свят. *Василій Сокольскій*.

(Продолженіе будетъ).

О муплахъ Астраханской губерніи.

(Продолженіе; см. № 4).

«Первою обязанностью муплы является посѣщеніе мечети, гдѣ онъ предстоитъ на молитвѣ. Пять разъ въ день совершается богослуженіе и пять разъ въ день онъ ходитъ въ мечеть, предварительно

*) Гейне.